

ЗАМЕТКИ ЗРИТЕЛЯ

Театр праздника и завидных будней

голосе поспыпались особые трепетные нотки.

Меня они не удивили. Я знал, что Теймураз — большой театрал. Еще когда мы были студентами, часто вместе бегали на спектакли. Много в тот вечер говорил Теймураз о труппе, о зрителях своего театра, о его последних нашедших постановках.

— Билетов, конечно, не достать, — огорченно вздохнул я, увидев на афише название спектакля. Шел «Ричард III», о котором к тому времени я уже немало слышался.

Теймураз только махнул рукой:

— Подожди! — я мгновенно исчез.

Через несколько минут он появился довольный, помахивая листком бумаги.

— Скажи: друг ко мне из Сибири приехал, — объяснил он. — Вот, пригласили тебя, а заодно и меня.

С волнением вступил я в театральный подъезд.

Сегодня грузинский театр им. Шота Руставели, приезжающий к нам на гастроли, — один из лучших в стране. О его искусстве с восторгом говорят и за рубежом. Слава об этом талантливом коллективе давно перешагнула границы. Стоит вспомнить гастроли труппы в Англии. Об этом тогда много писали в газетах, шли передачи на телевидении. Англичае, отличающиеся сдержанностью, кажется, забыли о природе

своего национального характера. Они были в восторге и не скрывали его. Это был сенсационный успех, оценки отличались полным единодушием. Пресса, включая ведущие лондонские газеты (а среди них и такие, чьих хозяев и редакторов нельзя заподозрить в чрезмерной любви к СССР), на этот раз была крайне доброжелательной. На родине Шекспира постановка «Ричарда III» грузинским театром (режиссер Роберт Стурра) произвела грандиозное впечатление. А исполнителя главной роли Рамаса Чхиквадзе здесь называли «Лоренсом Оливье с Кавказа», воздав должное и творческому, и национальному его темпераменту.

Это были не первые зарубежные гастроли грузинского театра. Со спектаклем «Кавказский меловой круг» Б. Брехта, удостоенным Государственной премии СССР, коллектив прежде побывал в ФРГ, Мексике, Югославии. К стати, с этой работой театра многие знакомы по телевизионному варианту, не так давно вторично показанному на экранах.

«Кавказский меловой круг» в интерпретации режиссера Роберта Стурра, искрит жизнелюбием, полон озорства, дерзкой шутки, попой — грусти...

Это поэма о народе, который в любых испытаниях сохраняет свою гордость, достоинство и честь. Один из рецензентов так отзывался

о «Кавказском меловом круге»: «Спектакль чем-то походит на сельский праздник, когда уже осень, собран добрый урожай и настала пора свадеб и шумных, открытых всем радостям жизни, застолий. На сельский праздник с песнями, танцами, состязаниями, балаганом и даже с выездом в город, где утром — рынок и цирк, а вечером — комическая опера и кабаре».

Мне кажется, талантливый спектакль не нуждается в переводчике. Чужой язык никогда не мешал большому актеру найти путь к сердцам. Великие артисты гастролеровали задолго до того, как появился синхронный перевод, и зрители прекрасно их понимали. Так было и со мной на спектаклях театра им. Шота Руставели. После «Ричарда III» я посмотрел все, что было в репертуарной афише.

Впрочем, слово «посмотрел» здесь неуместно. Пережил, перечувствовал... Я очень люблю грузинских артистов за их умение достигать предела эмоции. Для шекспировских страстей как раз и нужна эта необычайная, эмоциональная подвижность. На сцене этого театра ложь, мелкость, игра в правду кажутся просто невозможными. И еще. Спектакли дарят всем зрителям, независимо от их национальности, ощущение братства и взаимопонимания. На сцене

всегда царит замечательное ощущение свободы, раскованности, духовной раскрепощенности. Здесь не встретишь банальных приемов, штампов. Действие настолько властно и полно захватывает, что забываешь обо всем, кроме перипетий происходящего на сцене. Для меня в грузинском театре есть таинственное нечто, что отличает его от других коллективов. Его художественный руководитель Роберт Стурра писал как-то: «Театр имени Шота Руставели — академический. Но в чем академизм? В повторении пройденного или в постоянном стремлении к новым достижениям, которым, быть может, подражать и не будут, но которые в свою очередь будут стимулировать творческий поиск?».

Во второй половине этой вопросительной фразы заключается и ответ — за щедрость поиска, за художественный размах и простор мысли, за высочайшее мастерство, за непохожесть этого театра ни на какой другой его так любят зрители. Нам он дарит праздник, сам живет трудовыми буднями. Завидными буднями.

Своему грузинскому другу я написал в Тбилиси: Теймураз, я счастлив. Завтра встречаюсь с нашими дорогими руставеливцами. Жалею, что тебя не будет рядом».

Р. КУЗЬМЕНКО,
инженер.

В Тбилиси, как, наверное, во всех городах, есть места, особенно привлекательные для приезжающих. Это и широко известные памятники архитектуры, и здания, улицы, с которыми связаны те или иные исторические события, — таких мест в Тбилиси много. Но для меня здесь самое дорогое — театр им. Шота Руставели. Открыл его для меня мой друг Теймураз Гоберидзе, к которому я часто приезжаю в отпуск. Обычно это делал летом, когда театр уже был на гастролях. Но Теймураз уговорил побывать в Грузии и зимой. В тот приезд, как всегда, мы долго бродили с ним вместе по старым тбилиским улицам, переулкам, полным живого и пестрого разнообразия. Мне нравилось слушать Теймураза. Кажется, нет такого дома, о котором бы он не рассказал удивительной истории. А в тот вечер неожиданно очутились перед красивым старинным особняком.

— Это театр Руставели, — сказал Теймураз, и в его